

УДК 81'25

**ДИСКУРСИЯ:
ПЕРЕВОД КАК ИСТОЧНИК НОВОГО ТЕРМИНА***А.М. Галиева***Аннотация**

В статье рассматриваются отдельные особенности перевода философских текстов. Внимание уделяется сложным семантическим процессам, происходящим при переводе французского полисеманта *discours* на русский язык. Основываясь на материале книги М. Фуко «Слова и вещи», автор определяет условия появления в переводном тексте концепта *дискурсия*, отсутствующего в оригинале и в системе языка перевода.

Ключевые слова: язык и философия, перевод, дискурсия, М. Фуко, «Слова и вещи».

Переводные тексты не только транслируют смыслы из культуры в культуру, но и могут стать пространством, где рождаются новые понятия и появляются термины, отсутствующие как в тексте оригинала произведения, так и в системе понятий (терминологической системе) языка перевода. Сопоставление оригинала и перевода показывает, что текст перевода часто является местом лингвистического экспериментирования. Почему и как такое может происходить, проследим на материале книги Мишеля Фуко «*Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines*» и ее перевода на русский язык.

Сначала несколько предварительных замечаний. Несмотря на исключительно важную роль перевода в процессе формирования европейской культуры, античные и ближневосточные (христианские) корни которой очевидны, перевод не превратился в один из основополагающих концептов западной философии (об этом молчаливо свидетельствует отсутствие термина *перевод* в философских словарях и энциклопедиях). Осознанное и целенаправленное осмысление перевода как особой формы рефлексии не характерно для философии даже с учетом так называемого лингвистического поворота. Имеющиеся размышления о переводе философских текстов, как правило, являются эпизодическими, фрагментарными и главным образом касаются сложностей перевода отдельных слов или идиом. Выявлению специфики современного русского философского языка в связи со сложным взаимодействием оригинальных и переводных текстов посвящена статья А.М. Галиевой и З.З. Ибрагимовой «Перевод и проблема отечественного философского языка» [1].

Рецепция перевода в новом культурном окружении осуществляется через посреднические функции переводчика, творческая индивидуальность которого имеет существенное значение в этом процессе. У переводчика, работающего в любой области (научно-технической, правовой, литературно-художественной),

имеются характерные для него приемы, которые определяются как объективными, так и субъективными факторами. Так, наличие общепринятой системы терминологических соответствий во многом облегчает работу переводчика, а отсутствие таковой – резко ее тормозит.

В лингвистическом отношении философские тексты располагаются в пределах демаркационной линии между научными и художественными текстами: при стремлении к максимальной концептуальной ясности (если исходить из предположения, что философ сознательно стремится к исчерпывающей ясности) для современного философского текста часто характерна сложная сеть метафор, игра с многозначностью, особый синтаксис и т. п. Поэтому при переводе философского текста приходится балансировать между точностью выражения авторской мысли и передачей эстетической силы оригинала. При этом творческая индивидуальность переводчика, его эрудиция и пристрастия не могут не проявляться в его детище. В философии, как и в поэзии, «окончательный», «идеальный» вариант перевода текста не достижим.

Книга Мишеля Фуко «Слова и вещи» увидела свет в 1966 году и сразу же стала научно-философским бестселлером. В «Словах и вещах» анализируется европейская культура XVI – XX веков. Фуко на примере трех «археологических срезов» – Ренессанса, классического рационализма XVII – XVIII веков и современной эпохи – стремится вычленить общие структурные механизмы во всех образованиях сознания и культуры, выявить общие принципы организации знания. То, что сцепляет «слова» и «вещи», определяет корни своеобразной «логичности» эпохи, которая не является априорной и не обусловлена только эмпирическими характеристиками; речь не идет также о логических априориях или константах, обусловленных единством человеческой природы и формами чувственного восприятия. Для обозначения этого Фуко вводит новый термин – *эпистема*.

Перевод «Слов и вещей» на русский язык был выполнен В.П. Визгиным и Н.С. Автономовой и издан в 1977 году (часть I переведена В.П. Визгиным, часть II – Н.С. Автономовой). Н.С. Автономова так вспоминает о работе над переводом: «Мы работали независимо друг от друга и свои варианты терминов не соотносили (к тому же терминологическое оснащение первой и второй частей книги было достаточно различным), хотя, кажется, некоторые мои варианты, например, термин “дискурсия”, были в конечном счете распространены на весь текст» [2, с. 370].

Одна из особенностей перевода «Слов и вещей» заключается в том, что переводчики сознательно искали русские соответствия (нам представляется, что здесь трудно говорить о полной эквивалентности) центральным для мышления Фуко понятиям, не ограничиваясь простой транскрипцией труднопереводимых французских слов. Именно в этом переводе появился новый философский термин – *дискурсия*, обладающий особой логико-понятийной структурой. В оригинальном тексте у Фуко вместо дискурсии мы обнаруживаем полисемант *discours*, который можно перевести как 1) речь, выступление, слова; 2) дискурс, речь; 3) трактат, рассуждение; 4) *перен.* манера мыслить, система понятий; *разг.* рассуждение, анализ [3, с. 342].

В книге «Познание и перевод» Н.С. Автономова отмечает, что именно в творчестве Фуко оказались запечатлены два важнейших этапа развития французского понятия *discours*: 1) дискурс как логико-лингвистическая развертка представления и 2) дискурс как социально регламентированное высказывание, совокупность социальных и идеологических ограничений, определяющих, кто, что, кому, каким образом и при каких обстоятельствах может или не может говорить [2, с. 379].

В русском переводе «Слов и вещей» нами выявлены следующие основные способы перевода лексемы *discours*: 1) *речь*; 2) *дискурсия*; 3) *дискурс*. Различные способы перевода полисеманта *discours* – ключевого для «Слов и вещей» концепта – требуют выявления условий (или контекстов), которые предопределили выбор того или иного из них как более предпочтительного. Следует также указать на разное графическое оформление в тексте Фуко слова *discours*: 1) без выделений (самый частотный), 2) *Discours* (использование прописной буквы) и, наконец, 3) в русском переводе имеются также случаи выделения переводного аналога курсивом. Можно предположить, что эти особенности написания призваны указывать читателю на особые значения анализируемого слова. В данной статье ограничимся тем, что проанализируем, в каких случаях и почему *discours* переведен как *дискурсия*.

Слово *дискурсия* используется Н.С. Автономовой и В.П. Визгиным, как правило, при характеристике эпистемы классического рационализма; в тексте Фуко обращает на себя внимание частотность сочетания *discours classique*, само по себе это атрибутивное словосочетание довольно нейтрально и встречается также и в текстах других авторов (фрагмент из «Нулевой степени письма» Р. Барта будет представлен ниже).

Приведем несколько примеров из оригинала и перевода «Слов и вещей».

“L'existence du langage une fois éliée seul subsiste son fonctionnement dans la représentation: sa nature et ses vertus de discours. Celui-ci n'est rien de plus que la représentation elle-même représentée par des signes verbaux” (М. et С., р. 95–96). «После устранения самостоятельного существования языка остается лишь его функционирование в представлении: остается его природа и свойства, присущие ему в качестве дискурсии, которая есть не более как само представление, представленное словесными знаками» (С. и В., с. 114–115).

“La Grammaire générale, c'est l'étude de l'ordre verbal dans son rapport à la simultanéité qu'elle a pour charge de représenter. Pour objet propre, elle n'a donc ni la pensée ni la langue: mais le discours entendu comme suite de signes verbaux” (М. et С., р. 97). «Всеобщая грамматика – это изучение словесного порядка в его отношении к одновременности, которую она должна представлять. Таким образом, ее собственным объектом оказывается не мышление, не язык, а дискурсия, понимаемая как последовательность словесных знаков» (С. и В., с. 116).

“...à l'âge classique, le discours, c'est cette nécessité translucide à travers laquelle passent la représentation et les êtres lorsque les êtres sont représentés au regard de l'esprit, lorsque la représentation rend visibles les êtres en leur vérité” (М. et С., р. 322). «Для классического века дискурсия есть та полупрозрачная необходимость, через которую проходят и представления и существа, коль скоро эти

существа представлены перед духовным взором, коль скоро представление делает видимой самую истину существа» (С. и В., с. 332–333).

Итак, *discours* при описании классической эпистемы не просто *речь*, а нечто весьма специфическое: это «само представление, представленное словесными знаками» (С. и В., с. 115), «последовательность словесных знаков» (С. и В., с. 116), «язык в его способности выражать представления, язык, который именует, расчленяет, сочетает, связывает и развязывает вещи, позволяя увидеть их в прозрачности слов» (С. и В., с. 332). *Discours* здесь тесно связан с *представлением* и *артикуляцией* (перевод этих слов в произведениях Фуко может стать предметом отдельного рассмотрения).

Приведем для сравнения фрагмент из «Нулевой степени письма» Р. Барта, где также говорится о дискурсе классической эпохи:

“C'est le retrait même des mots, leur alignement, qui accomplit la nature relationnelle du discours classique; usés dans un petit nombre de rapports toujours semblables, les mots classiques sont en route vers une algèbre: la figure rhétorique, le cliché sont les instruments virtuels d'une liaison; ils ont perdu leur densité au profit d'un état plus solidaire du discours; ils opèrent à la façon des valences chimiques, dessinant une aire verbale pleine de connexions symétriques, d'étoiles et de nœuds d'où surgissent, sans jamais le repos d'un étonnement, de nouvelles intentions de signification. Les parcelles du discours classique ont à peine livré leur sens qu'elles deviennent des véhicules ou des annonces, transportant toujours plus loin un sens qui ne veut se déposer au fond d'un mot, mais s'étendre à la mesure d'un geste total d'intellection, c'est-à-dire de communication” [4].

Г.К. Косиков переводит этот фрагмент так.

«Реляционная природа классической речи проявляется в том, что сами слова отступают на второй план, а на первый выходит их линейная упорядоченность; изнашиваясь в тесном контексте всегда одних и тех же отношений, слова классического языка тяготеют к тому, чтобы превратиться в элементы некоей алгебраической системы: риторическая фигура, клише оказываются потенциальными инструментами связи; они утрачивают свою собственную плотность ради того, чтобы занять более прочное место внутри речевой последовательности; подобно химическим элементам, они обладают свойством валентности и образуют языковое пространство, насыщенное симметричными связями, пересечениями и узлами, из которых – не имея времени задержаться и удивиться отдельному слову – вырастают все новые и новые смысловые интенции. Едва успев передать собственный смысл, любой элемент классической речи превращается в своеобразный проводник или анонс, передающий все дальше и дальше иной смысл, который стремится не укорениться в глубинах отдельного слова, а пронизать собою весь акт понимания, то есть акт коммуникации в целом» [5, с. 83–84].

Этот пример из «Нулевой степени письма» (мы ограничились лишь одним небольшим фрагментом, можно было бы привести и другие) также иллюстрирует тезис о том, что классический дискурс – не просто речь как таковая, а нечто особенное, тяготеющее к функциональному совершенству математики: Р. Барт подчеркивает, что здесь упорядочивающая сила и реляционная природа языка представляются более важными, чем значения отдельных слов.

При характеристике мыслительного пространства классического рационализма для Фуко значимо то, что человеческая речь преобразует «единовременность» различных мыслей и восприятий (точнее, классическая мысль безотносительна к длительности) во временную, линейную последовательность словесных знаков, поэтому часто используются линейные метафоры типа *нити* или *линии*. Введение термина *дискурсия* дает возможность в концептуальном плане четко очертить пространство классической эпистемы и дистанцировать его от пространства других эпистем. Классическая дискурсия опирается на не подлежащую сомнению очевидность представления и предполагает совершенно особую роль знака в познавательном процессе, при котором мышление и бытие не отягощены ничьим посредничеством, слова обнаруживают себя в пространстве познания.

Отметим также, что в русском переводе появляется такое свойство речи, как *дискурсивность*: "...le temps qui porte les langages, se loge en eux et finit par les user, c'est ce temps qui **étire mon discours** avant même que je l'aie prononcé dans une succession que nul ne peut maîtriser" (М. et С., p. 326).

Буквально *étire mon discours* можно перевести как *вытягивает* или *растягивает мою речь*, то есть время делает речь линейно протяженной. У Н.С. Автономовой читаем: «...время, которое порождает языки, оседает в них и в конце концов изнашивает их, есть то же самое время, которое **делает мою речь дискурсивной**, растягивая ее в непреодолимую и неизбежную последовательность» (С. и В., с. 336–337).

Хотя слово *дискурсивный* обычно в философии понимается как 'рассудочный, понятийный, логический' (в отличие от чувственного, интуитивного, непосредственного), здесь при помощи этого слова подчеркивается то, что посредством речи темпоральная точечность чувственных восприятий преобразуется во временную последовательность словесных знаков.

Итак, как показывают многочисленные примеры, в «Словах и вещах» классический *discours* переводится как *дискурсия*. Но это происходит не всегда последовательно. Так, в единичных случаях лексема *дискурсия* в переводе может относиться и к современной эпистеме (но никогда к ренессансной!).

"Détaché de la représentation, le langage n'existe plus désormais, et jusqu'à nous encore, que sur un mode dispersé: pour les philologues, les mots sont comme autant d'objets constitués et déposés par l'histoire; pour ceux qui veulent formaliser, le langage doit dépouiller son contenu concret et ne plus laisser apparaître que les formes universellement valables du discours; si on veut interpréter, alors les mots deviennent texte à fracturer pour qu'on puisse voir émerger en pleine lumière cet autre sens qu'ils cachent; enfin il arrive au langage de surgir pour lui-même en un acte d'écrire qui ne désigne rien de plus que sois" (М. et С., p. 315). «Оторванный от представления, язык существует с тех пор и вплоть до нашего времени – и вплоть до нас еще – лишь в разбросанных формах: для филологов слова предстают в качестве объектов, созданных и оставленных историей; для формализаторов язык должен отбросить свое конкретное содержание и выявить лишь повсеместно значимые формы дискурсии; для интерпретаторов слова становятся текстом, который надо взломать, чтобы смог обнаружиться полностью скрытый за ними смысл; наконец, язык возникает как нечто самодостаточное в акте письма, который обозначает лишь себя самого» (С. и В., с. 326).

Контекст здесь явно указывает на современную эпистему, но тем не менее *discours* переведен как *дискурсия*. Такой вариант перевода, вероятно, можно объяснить тем, что здесь речь идет о формальном анализе языка, в этом случае использование слова *дискурсия* связывает этот современный формальный анализ с идеями классического рационализма (что во французском тексте вовсе не столь очевидно). Но эта ассоциация может оказаться и ложной, поскольку Фуко в «Словах и вещах» настойчиво проводит идею о некоторой наивности подобных точек зрения; история для французского мыслителя – история прерывностей (то есть представляется, что история имеет не преемственно-эволюционный, а скачкообразный характер). К примеру, Фуко отмечает, что сходство современной лингвистики с идеями «Всеобщей грамматики» авторов Пор-Рояля обманчиво: «вся эта квазинепрерывность на уровне идей и тем, несомненно, оказывается исключительно поверхностным явлением» (С. и В., с. 35).

В единичных случаях в русском переводе при характеристике классической эпистемы используется слово *дискурс*:

“...l’homme peut alors faire entrer le monde dans la souveraineté d’un **discours** qui a le pouvoir de représenter sa représentation. Dans l’acte de parler, ou plutôt (en se tenant au plus près de ce qu’il y a d’essentiel pour l’expérience classique du langage) dans l’acte de nommer, la nature humaine, comme pli de la représentation sur elle-même, transforme la suite linéaire des pensées en une table constante d’êtres partiellement différents: le **discours** où elle redouble ses représentations et les manifeste la lie à la nature” (М. et С., р. 320). «...именно тогда человек может втиснуть мир в державность **дискурсии**, способной представлять представления. В акте говорения, или, точнее (точнее, ибо ближе к тому, что было существенно для классического опыта языка), – в акте именованя, человеческая природа, замыкая представление на самом себе, преобразует линейную последовательность мысли в устойчивую таблицу существ с их частичными различиями – в **дискурс**, где происходит самоудвоение ее представлений и выявление ее связи с природой» (С. и В., с. 331).

Показательно, что *дискурсия* и *дискурс* как варианты перевода одного слова соседствуют в пределах одного контекста. Текст не оставляет места для сомнения в том, что *дискурс* в этом случае описывает именно классическую эпистему, более того, в приведенном фрагменте отражены важнейшие характеристики именно этой эпистемы – представление, линейная последовательность мысли, таблица как форма отражения результатов познавательного процесса; то есть контекстуальное окружение позволяет заключить, что под *дискурсом* здесь все же имеется в виду *дискурсия*.

В случаях, когда у Фуко представлен графический вариант *Discours* (с прописной буквой; такая форма написания слова всегда относится к классической эпистеме), в переводе мы видим всегда только *Дискурсию* (также с прописной буквой):

“La mutation de l’analyse du Discours en une analytique de la finitude a cependant une autre conséquence” (М. et С., р. 350). «Преобразование анализа Дискурсии в аналитику конечного человеческого бытия имеет также и другое следствие» (С. и В., с. 359).

Обращает на себя внимание и то, что именно при описании классического дискурса используются разнообразные метафоры, связанные с властью:

“...l’homme peut alors faire entrer le monde dans la souveraineté d’un discours qui a le pouvoir de représenter sa représentation” (М. et С., р. 320). «...именно тогда человек может втиснуть мир в державность дискурсии, способной представлять представления» (С. и В., с. 331).

Слово *souveraineté* может быть переведено как ‘суверенитет, самостоятельность, верховная власть’, ‘верховенство, господство’ [3, с. 1031]. Н.С. Автономова в русском языке находит замечательную метафору *державность дискурсии*. Социально-политические метафоры как средство создания образности наиболее активно используются Фуко именно при характеристике эпистемы классического рационализма. Так, Фуко неоднократно говорит о *souveraineté du “je pense”* («державное “я мыслю”»). – Н.С. Автономова), в частности только в 9-й главе этот оборот используется трижды.

Начало современной эпистемы у Фуко ознаменовано концом или исчезновением дискурса (*fin du discours, disparition du discours* и т. д.):

“C’est que toute l’épistémè moderne celle qui s’est formée vers la fin du XVIIIe siècle et sert encore de sol positif à notre savoir, celle qui a constitué le mode d’être singulier de l’homme et la possibilité de le connaître empiriquement toute cette épistémè était liée à la disparition du Discours et de son règne monotone, au glissement du langage du côté de l’objectivité et à sa réapparition multiple” (М. et С., р. 397). «Дело в том, что вся современная эпистема, образовавшаяся в конце XVIII века и поныне служащая позитивной почвой нашего знания, та эпистема, в которой сложился некий особый способ бытия человека и возможность его эмпирического познания, – вся она предполагала исчезновение Дискурсии и ее однообразного господства, смещение языка в сторону объективности и новое его проявление во всем многообразии» (С. и В., с. 403).

Совершенно очевидно, что в подобных случаях варианты перевода *конец речи* или *конец дискурса* (это-то по отношению к современности!) попросту невозможны и даже нелепы. Можно даже предположить, что наличие таких «непереводимых» мест вызвало рождение в русском тексте термина *дискурсия* как особого понятия, относимого только к классическому рационализму XVII – XVIII веков. При этом важно еще раз подчеркнуть, что автономовская *дискурсия* характеризует только эпистему классического рационализма (и не соответствует значению слова *дискурсия*, представленного в энциклопедическом словаре «Философия. XX век» (под ред. А.А. Грицанова, где *дискурсия* приравнена к *дискурсу* и рассматривается как сложный многозначный термин, при этом автономовское значение этого термина в словаре не отражено [6, с. 237])).

Итак, понятие *дискурсия* не тождественно (и, по существу, даже не синонимично) *речи* или *дискурсу*; в русском тексте «Слов и вещей» появляется особое понятие, которое тесно связано с рациональным познанием XVII – XVIII вв., с представлением (в том смысле, в каком это слово используется в «Словах и вещах»), с картезианской очевидностью перехода от «Я мыслю» к «Я есмь», с рациональным путем достижения научной истины и связью слов и вещей через пространство мышления.

Сопоставление текстов оригинала и перевода показывает, что разные эпистемы в русском переводе «Слов и вещей» оказываются в большей степени противопоставлены друг другу, нежели в оригинале, где слово *discours* во многом обеспечивает вербальное и концептуальное единство произведения, будучи частотно используемым при характеристике всех трех эпистем. В русском переводе наиболее часто для передачи ренессансной эпистемы привлекается слово *речь*, классической – *дискурсия*, современной – *речь* или *дискурс*.

Перевод, представляя собой новую вербальную оболочку мысли, дает возможность эту мысль заново отрефлексировать. Потенции философского мышления в значительной мере предопределяются семантическими, словообразовательными и грамматическими возможностями того или иного языка, его гибкостью. Как известно, большинство философских понятий являются многозначными. С точки зрения требований строгости и точности научной терминологии многозначность – это зло, с которым нужно бороться. Однако в философском тексте многозначность может проявляться не только как ущербность, недостаточная разработанность формально-логической структуры понятия, она может стать опорой для рефлексии – для осмысления философского концепта в разных аспектах и значениях, в разных его проблематизациях. Отсутствие полноценного русского эквивалента (по концептуальному объему и семантической структуре) для французского полисеманта *discours* вынуждает переводчиков прибегать к разным способам перевода этой лексемы в зависимости от значения и контекста. В ходе таких поисков в русском языке рождается новый термин – *дискурсия*. Те глубинные смыслы, которые для француза очевидны и являются свернутым интуитивным фоновым знанием (например, в сочетании *discours classique*), для русского читателя необходимо выражать в эксплицитной форме, что и приводит к появлению особого термина.

Summary

A.M. Galieva. Diskursiya: Translation as a Source of a New Concept.

The paper deals with some features of translation of philosophical texts. Special attention is paid to the translation of a French polysemantic word *discours* into Russian, and the complex semantic processes accompanying it. On the material of M. Foucault's "The Order of Things", we show how the new concept *diskursiya* (*дискурсия*), which can not be found neither in the original text nor in the system of the target language, comes into being in its Russian translation.

Key words: language and philosophy, translation, *diskursiya*, M. Foucault, "The Order of Things".

Источники

М. et С. – *Foucault M. Les mots et les chose. Une archeologie des sciences humaines.* – Paris: Gallimard, 1966. – 405 p.

С. и В. – *Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой.* – СПб.: А-сэд, 1994. – 406 с.

Литература

1. *Галиева А.М., Ибрагимова З.З.* Перевод и проблема отечественного философского языка // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2010. – Т. 152, кн. 1. – С. 50–57.
2. *Автономова Н.С.* Познание и перевод. Опыты философии языка. – М.: РОССПЭН, 2008. – 704 с.
3. *Гак В.Г.* Новый французско-русский словарь. – М.: Рус. язык, 2004. – 1195 с.
4. *Barthes R.* Le Degré zéro de l'écriture. – URL: http://www.ae-lib.org.ua/texts/barthes_le_degre_zero_de_lecriture_fr.htm, свободный.
5. *Барт Р.* Нулевая степень письма // Барт Р. Нулевая степень письма / Сост. Г.К. Косиков. – М.: Академ. проект, 2008. – С. 51–114.
6. Всемирная энциклопедия. Философия. XX век / Гл. научн. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.; Минск: АСТ; Харвест, 2002. – 976 с.

Поступила в редакцию
02.09.10

Галиева Альфия Макаримовна – кандидат философских наук, доцент кафедры сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: agalieva@yandex.ru